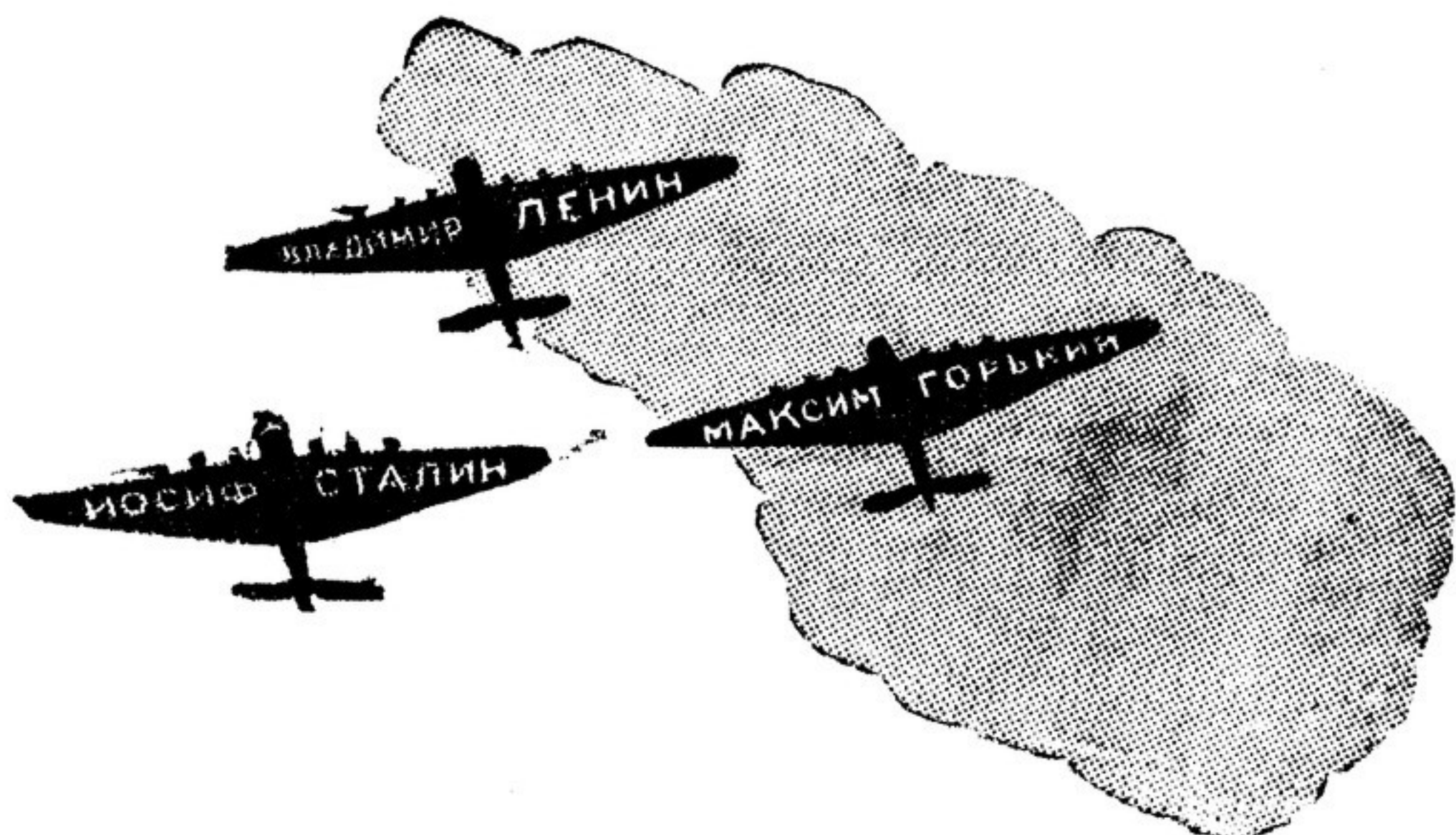

Литературная газета

№ 29 (520)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 24 мая 1935 г.

ТЕЛЕГРАММА М. ГОРЬКОГО

Москва, «Правда».

Прагматическое молодечество послужило причиной гибели отличных людей, чья трудовая энергия могла бы дать стране еще много ценного. В Союзе ССР сотни тысяч героев труда ежедневно демонстрируют перед всем миром чудеса мужества и выносливости, чудеса трудового героизма, социалистическое организованное безумство смелых.

Долой бесплодное и вреднейшее молодечество! Долой фокусников дела и слова! Да здравствует мудрость, решившая создать на месте погибшей единицы три новых, мудрость, способная создать взамен погибших тысячи новых завоевателей земли, воздуха и всех Низко склоняя голову перед скорбью осиротевших, знаю, что утрата родных возместится им многими радостями, а бессмысленному молодечеству — позор!

М. ГОРЬКИЙ.

Советские писатели вместе со всей страной переживают глубокую скорбь по поводу нелепой катастрофы, отнявшей у нас 47 ценных и нужных стране жизни и гордость нашей авиации, самолет «Максим Горький».

Вместе со всей Страной советов, вместе со всеми, кто борется за новый общественный строй, вместе с теми, кому дороги интересы человечества и культуры, мы гордимся величайшими достижениями советского гения. Мы гордимся лучшим в мире воздушным гигантом «Максим Горький».

Именами лучших представителей человечества на крыльях в ближайшее время вознесут над страной, которая под водительством великого СТАЛИНА идет все к новым и новым победам.

СЕКРЕТАРИАТ МОРП.

Имена погибших останутся в памяти миллионов как призы к новым победам, призы к железной дисциплине, к вниманию и бережному отношению к людям.

В тяжелой скорби мы склоняем свои головы перед памятью погибших лучших представителей того нового человека, кого так любит и ценит Страна советов.

Гордость страны, самолет «Максим Горький» погиб. Погибли лучшие ударники нашей родной авиационности. Первая мысль при известии: нужно в кратчайшие сроки создать десятки подобных и лучших орлов советского поднебесья, нужно сделать невозможные воздушные хулиганство в гражданском воздушном флоте. Горячие сочувствие самым погибшим, всему славному коллективу ЦАГИ, потерявшему лучших своих представителей.

Советские писатели создадут произведения о нашей прекрасной стране, в которой вырастают такие беззаветно преданные своей социалистической родине люди, как погибшие летчики и ударники ЦАГИ.

От имени революционных писателей мира мы клянемся в художественных образах воспеть и сохранить в памяти благодарного человечества и чудесную, гордую, мудрую птицу и тех, кто ее создал, и тех, кто погиб вместе с нею.

Мы знаем, что вопей великой Страны советов целая стая новых славных стальных птиц-гигантов с

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

СТРОИМ САМОЛЕТЫ-ГИГАНТЫ

Ковсем писателям

Выражая непреклонную волю народа, партия и правительство вынесли решение построить взамен погибшего самолета «Максим Горький» три самолета такого же типа и таких же размеров — «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин» и «Максим Горький».

Вместе со всей Страной советов, вместе со всеми, кто борется за новый общественный строй, вместе с теми, кому дороги интересы человечества и культуры, мы гордимся величайшими достижениями советского гения. Мы гордимся лучшим в мире воздушным гигантом «Максим Горький».

Именами лучших представителей человечества на крыльях в ближайшее время вознесут над страной, которая под водительством великого СТАЛИНА идет все к новым и новым победам.

Пролетарии и колхозники предложили дополнительно построить самолеты «Сергей Киров», «Илим Ворошилов», «Лазарь Каганович».

Настоящее большевистское решение — заменить погибший гигантский самолет несколькими новыми, такими же громадными и мощными самолетами.

Первый день сбора средств на постройку гигантов-самолетов среди московских драматургов дал 15.350 руб.

Самая большая в мире стальная птица «Максим Горький» создавалась на средства, собранные нашими газетами среди рабочих, служащих и колхозников.

Все мы принимали посильное участие в строительстве агитсамолета «Максим Горький». Он был гордостью страны.

Тов. Кирилов внес 5.000 руб. По 1000 руб. внесли В. Катаев, И. Прут, В. Шваркин, 800 руб. внес М. Гальперин. По 500 руб. — А. Афиногенов М. Базилевич, В. Билль-Белоцерковский, К. Тренев, К. Финн и В. Шкловский. П. Занкович, внес 400 руб. По 300 руб. — А. Файко, Г. Гребнер, 250 руб. — В. Зак. По 200 руб. — О. Леонидов, Н. Лернер, А. Глебов, Н. Архипов.

Еще не успела потрясенная страна освоиться со страшной катастрофой, как со всех сторон раздались призы — вернем утраченное сторицей.

Нашей гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Подписка продолжается.

Не стало одного самолета — будет много!

На советской стране будут величественно парить новые воздушные корабли.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

На строительство самолетов уже потекли народные деньги, которые могущественнее всех капиталов на свете.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Каждый писатель, каждый читатель, каждый гражданин Советского Союза должен принять участие в сборе средств на строительство новых стальных чудотворцев.

Вся страна активно участвовала в создании гиганта советской авиации «Максим Горький». Теперь, после его гибели, мы еще с большей готовностью дадим средства для возмещения громадной потери.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Внеси: И. Бабель — 300 руб., В. Инбер — 300 руб., А. Караваев — 500 руб., В. Луговской первый взнос — 350 руб., А. Малышкин — 300 руб., Л. Леонов — 1.000 руб., В. Шкловский — 300 руб.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Да здравствует наша великая родина.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Да здравствует наша доблестная, мужская и героическая авиация. И. БАБЕЛЬ, В. ИНБЕР, А. КАРАВАЕВ, В. ЛУГОВСКОЙ, А. МАЛЫШКИН, Л. ЛЕОНОВ, В. ШКЛОВСКИЙ.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Секретариат Правления Союза советских писателей СССР постановил отчислять 10.000 руб. на постройку самолетов-гигантов «В. Ленин», «И. Сталин», «М. Горький».

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

В фонд строительства новых самолетов-гигантов внесли: А. Толстой — 2.000 руб., Демьян Бедный — 2.000 руб., М. Кольцов — 3.000 руб., В. Пильняк — 500 руб.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Гибель крупнейшего в мире самолета и всех находившихся на борту его пассажиров — знатных людей советской авиации — глубоко меня потрясла.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

У нас хватит сил, энергии и новых изобретений, чтобы построить такие же самолеты, как погибший воздушный корабль.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

Максима Горького в строй советской авиации встанут новые самолеты-гиганты.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

С любовью их будет строить вся страна.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

«Владимир Ленин», «Иосиф Сталин», «Максим Горький» — рождают новую Советскую страну, а уже вижу их в небе, новое подтверждение нашей возрастающей мощи.

Мой первый взнос в фонд строительства — 1.000 руб.

Гордостью является сейчас участие в создании новых воздушных кораблей.

О ЛЕТНЕЙ РАБОТЕ ПРИВЕТ «КОМСОМЛЬСКОЙ ПРАВДЕ»

Наступает лето... Писательские организации должны подготовиться к летней работе таким образом, чтобы все мероприятия были подчинены творческим задачам. Работу с молодыми и начинающими в этот период следует строить под знаком общекультурного их роста и воспитания. Обмен опытом работы, взаимопомощь московской организации и нацреспублики вот в каком направлении следует строить работу писательских организаций на летний период.

Объекты, предпринятых правлением Союза. Секция критиков готовит к 20-летию Октябрьской революции многолетнюю историю русской и советской литературы. Времени осталось немного, а еще до сих пор не выделена главная редакция истории, еще не заказаны статьи авторам. Необходимо до летнего периода и разезда в отпуски основных литературоведческих и критических кадров проинформировать распределение статей, чтобы авторы уже в летний период приступили к непосредственной работе.

Союз Советских Писателей горячо приветствует боевой орган Центрального Комитета Ленинского Орденаносного Комсомола — «Комсомольскую Правду» — с десятилетием славного существования.

Удовство в борьбе за торжество социализма, инциптив и молодой большевистский задор в развертывании соревнования и упорности, яростная борьба с оппортунистами всех мастей, с бюрократизмом, мешающим и пошлостью; любовное и чуткое отношение к человеку — все это сыграло огромную роль в воспитании нашей молодежи и сделало «Комсомольскую Правду» одной из лучших и любимейших газет в нашей стране.

«Комсомольская Правда» всегда была другом советской литературы и ее горячее участие в литературных дискуссиях говорит о том, что дело литературы — это ее родное кровное дело.

Приветствуя славную «Комсомольскую Правду», советские писатели чувствуют, что они в большом долгу перед поколением молодых большевиков советской страны и пользуются случаем заверить, что долг этот будет полностью оплачен книгами о героической борьбе Ленинского Комсомола.

Да здравствует молодое большевистское племя!

Да здравствует «Комсомольская Правда»!

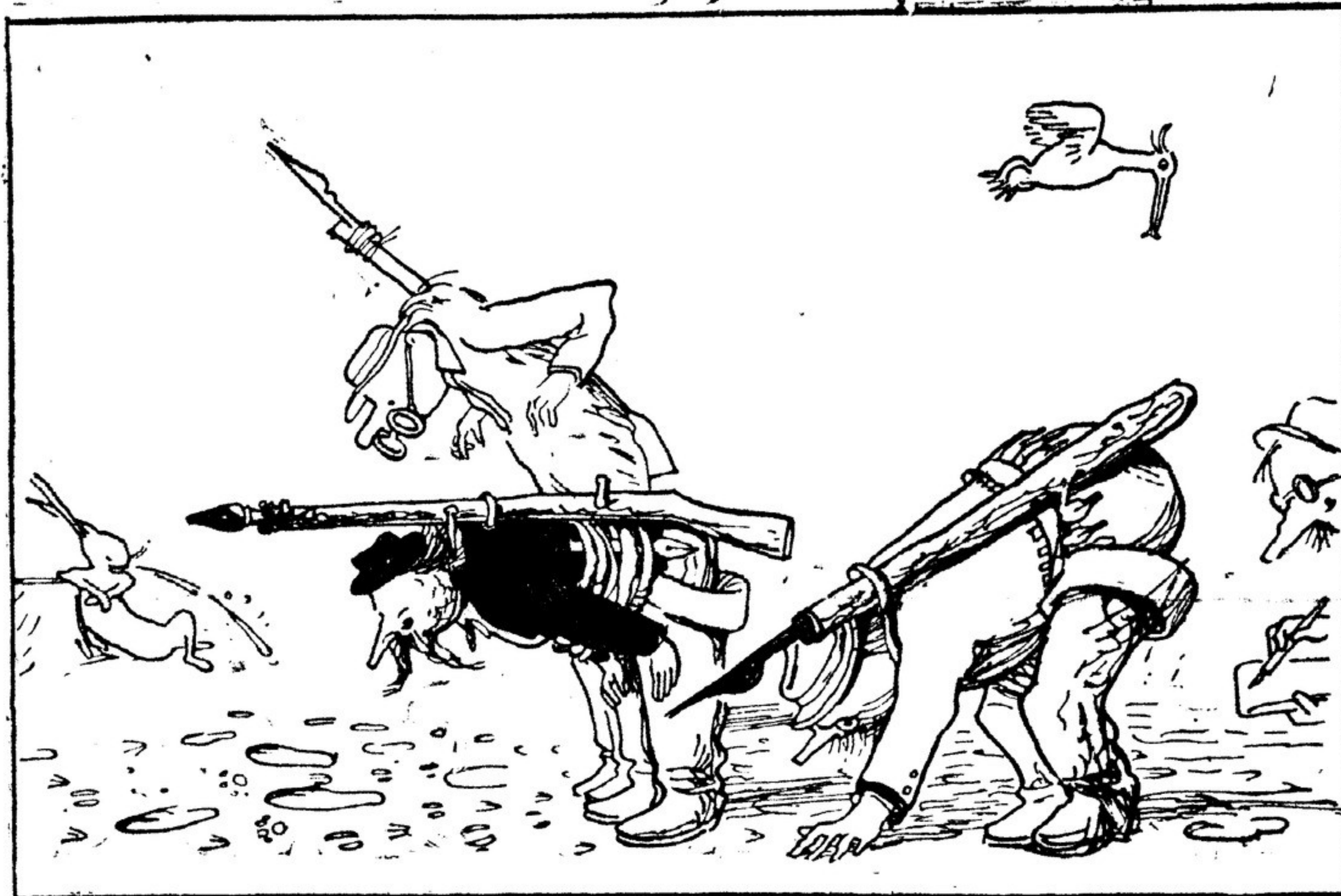
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Боевому органу Ленинского орденоносного комсомола «Комсомольской Правде» в день ее десятилетия — горячий привет. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Многие писатели размахались на лето за материалом для новых произведений. (Из газет).

Рис. А. Каневского

Пять лет Трама

ТЕАТРУ МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛА

НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ

Секция драматургов Союза советских писателей СССР горячо приветствует коллектив и руководителей театра орденоносного московского комсомола — ТРАМ в день его пятилетия.

Наше героическое дело наши яркое и волнующее отражение на сцене вашего театра. Советские драматурги с радостью и удовлетворением работали с талантливым коллективом и его руководителями. Их заражали творческий порыв и юная зрелость молодого театра.

ТРАМ к себе более упорной и напряженной работе. Советские драматурги знают, что замечательные люди нашей великой страны будут подлинными героями Театра рабочей молодежи, с чести несущего свое ответственное наименование.

Высокая награда, которой удостоился московский комсомолец, облекает

По поручению секретариата секции В. КИРИЛОВ, А. АФИНОГЕНОВ, К. ТРЕНЕВ.

Счастливая охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности. Рухнула «китайская стена» между самостоятельным и профессиональным театром. Коллектив ТРАМ до-серьезному поставил перед собой задачу овладения мастерством.

Учеба, у мхатовцев помогают трамбовцам находить самих себя и накоплять знания и силы для того, чтобы более критически осваивать и ту систему, помощью которой они сейчас пользуются. Мы верим, что недалеко то время, когда можно будет говорить о больших мастерах трамбовского искусства: мы верим, что в скором времени ТРАМ выдвинет своих режиссеров, своих постановщиков, своих художников и композиторов, которые сумеют, совместно с трамбовской актерской массой, под общим руководством такого замечательного шефа, как комсомолец, дивнувший социалистический театр к новым высотам, стать одним из важнейших факторов в развитии нашей драматургии, в дальнейшем подоме того движения, которому ТРАМ обязан своим рождением.

Главный режиссер ТРАМ И. Я. Суданов, рассказывая о своей работе с трамбовцами, отметил исключительный энтузиазм силу и упорство в работе трамбовского коллектива. — Я имею счастье черпать эту живую и кипучую силу и за это много кланяюсь комсомолу, который вынул меня из этого дела.

Внутри самого движения не было еще тех сил, из которых можно было в этом смысле опереться. ТРАМ стоял мужественные выходы из создавшегося положения и привлек к работе театра группу режиссеров МХАТ во главе с И. Судановым.

Не обобщено, конечно, при этом без внутренних трений, без опозиционных выступлений со стороны ряда товарищей, во все страхи, как показала ближайшая год, были напрасны: МХАТ «не сел», ТРАМ не потерял своего лица, ибо, в сущности, он

Приветствуя от имени московского комсомола молодых юбиляров, секретарь ЦК МК и МК ВЛКСМ т. Лукьянов отметил большую сплоченность, даже самоотверженность трамбовского коллектива.

Да, являющиеся выражением того огромного творческого подъема, который охватывал всю рабочую и комсомольскую молодежь нашей великой страны? 5 лет жизни и работы этого самого юного из профессиональных театров красной столицы — это поучительная и красочная страница из истории возникновения новой пролетарской художественной интеллигенции, это кусок истории сложной и страстной идеологической борьбы на фронте борьбы за социалистическое искусство. Какой огромный путь пройден, как выросли люди, как окреп их голос, как изменились методы работы!

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности.

Шумной охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

Большая задача театра, большая драматургии, как ведущего начала, большая образа, большая актерского мастерства — на этой основе талантливая, пылая, идейно устремленная молодежь, находившаяся под неперекрестным влиянием формалистических и левых-лифтронных теорий, хотела создать принципиально новый, отвечающий требованиям эпохи театр.

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности.

Шумной охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

Для трамбовской драматургии не существует единый и целостный интеллигентский образ героя. Углубленному психологическому образу ТРАМ противопоставляет раскрытие различных классовых граней, определенных общественных категорий, проявляющихся в зависимости от обстановки и в процессе изменчивости, текучести. В трамбовских пьесах являют не образы, а отдельные социальные черты, появляющиеся, переходящие, возмужающие вновь в процессе рас-

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности.

Шумной охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

Сегодня мы отмечаем еще одну очень радостную и очень знаменательную дату: 5-летие московского ТРАМ. И можно ли забыть тот острый факт, что мы говорим о театре, выросшем в недрах пролетарского самодельного искусства, а за-

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности.

Шумной охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

Дневник литературной газеты

24 МАЯ

Каждый театральный юбилей в нашей стране — дата, значительность которой не только в том, что мы в какой-то мере подготавливаем работу коллектива: это одновременно дата, по новому заставляющая вдуматься в существо тех общественных и политических сдвигов, которые дали данному творческому организму жизнь, стимулировали его рост, дали ему твердую точку опоры.

Можно ли было, например, говорить о пятилетиях театра Красной армии, только как о театральном юбилее, минуя тот факт, что возникновение этого талантливого коллектива возможно было лишь на базе колоссального культурного и идейного роста нашей Красной армии? Можно ли было отмечать юбилей Камерного театра, не останавливаясь на тех процессах, которые характеризуют в последние годы жизни и практику основных слоев нашей художественной интеллигенции? Можно ли было праздновать 15-летие ГОСЕТ, не вскрытая глубокой органической связью побед этого театра с мудрой ленинско-сталинской национальной политикой, обусловившей не только полное экономическое и политическое, но и духовное, идейное распределение всех народов Союза?

Сегодня мы отмечаем еще одну очень радостную и очень знаменательную дату: 5-летие московского ТРАМ. И можно ли забыть тот острый факт, что мы говорим о театре, выросшем в недрах пролетарского самодельного искусства, а за-

Можно себе представить, в какой тундук забит ТРАМ, если бы он не перестроил во время коренным образом всей системы своих взглядов и не встал на путь самостоятельного переоткрытия. Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. явилось в этом смысле величайшим стимулом и величайшей поддержкой для всего трамбовского движения в целом и для московского центрального ТРАМ в частности.

Шумной охватывает встречу приходящее появление в зале генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Иосифа и секретаря ЦК ВЛКСМ т. Салтанова.

В коллективе «Две пятилетки»

«КАРТИНЫ ЖИЗНИ СТРАНЫ»

Как уже сообщалось, многогранный «Две пятилетки» будет пред- полана вступительная книга «Картины жизни страны».

Жанр этой книги — художественная публицистика. Размер — 15 печатных листов. Срок выхода: конец 1935 г.

Пишет «Картины жизни страны» авторский коллектив в составе: Б. АГАПОВА, Б. ГАЛИНА, А. ГАРРИ, Д. ДИДОВСКОГО, Г. КОРА- БЕЛЬНИКОВА, Л. РУБИНСИЯ, В. ШКЛОВСКОГО. Он уже приступил к работе. К сентябрю книга будет готова к производству.

Любопытна идея параболить тексты книги короткими (2—2½ страни- чами) биографиями — портретами наиболее характерных для данного этапа людей. Обязательное условие, чтобы эти портреты были сделаны мастерами. Редакция объявляет конкурс с премией на лучший такой портрет.

«Картины жизни страны» пишется на основе подробного (6 печ. листов) плана (составители Б. АГАПОВ и В. ШКЛОВСКИЙ), утвер- жденного главной редакцией.

Мы печатаем два отрывка из шестой и седьмой глав этого плана.

Глава VI ОСВОЕНИЕ

Заводы были построены, машины привезены, стройка становилась предприятиями. Конвейеры ленты уже протянулись. Люди стали на ме- ста.

Эти люди были вчерашние крестья- не. Конвейер пошел.

И тут родились новые трудности. Они начинались с того, что страна торопилась, приходилось запускать еще не вполне законченные заводы.

Неделю были вояду, а главное — оказалось, что нет квалифицирован- ных кадров и нет культуры для но- вой работы.

Старые рабочие умели работать, но на основе гораздо более низкой тех- ники.

Рабочий Ус, старый металлист, бро- сился на Мантаке с ломом на плушку Броуса: он привык заделывать леску вручную.

Но старыми методами новыми гражданскими домами овладеть бы- ло нельзя. Старому рабочему нужно было тоже переучиваться.

Инженер нуле было учиться за- вое.

Крестьянин, подпитанный партией, во- одушевленный комсомолом, перене- ся на стройку психологию страды, рабо- ту без сна, посевного.

Всё сразу нужно было переучи- вать работу заново.

4 февраля 1931 г. Сталин высту- пает на конференции работников про- мышленности с речью «О задачах ко- зайственников».

«Большевики должны овладеть техникой».

В стране начинается грандиозный поход за технику, организуются тех- нические кружки, бригады, вводятся технические пропанага, другой голос приобретает на заводах директор, инженер, мастер.

Страна начинает понимать, в чём дело, газеты пишут об уроках СТЗ, начинают интересоваться супом и ра- бочей столовой, клопами в общежи- тии, укрепляется интерес к отдель- ному конкретному работнику, начи- нают понимать, что коллектив состоит из людей и т. д.

Но конвейер Сталинградского за- водного продолжает лихорадить, за- вод шумит.

Зимой страна готовится ввести в строй 819 новых предприятий. Это пишут, вносящую в оборот тупельки- ми работниками, знает вся страна.

Уже «Фурьеры» вылит о том, что на этом-то они и сокрушатся; у них же нет квалифицированных рабочих.

Страна работает круглые сутки, круглым числом, вместо месяцев в рабочих газетах печатается: до конца стройки осталось столько-то дней — 100, 60, 50.

И вот в этот момент появляются шесть условий Сталина.

Эти шесть условий резюмируют то, что произошло в стране, и подгото- вляют борьбу на завтра.

Мир спокон века, века каштали-

«Крестьяне» О. Балзика с рисунками Гаварин выпускает материал «Академия». Рисунки перегравируются А. Павловым с гравюр Лява.

На шести условиях как бы пере- лагается история пятилетки, но оставаясь своего бета, а лишь из- меняя стиль и методы работ.

Глава VII КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

У страны есть реальная советская окорота, в несколько раз превышаю- щая скорость Запада и его пущегое время роста, и есть реальная совет- ская требовательность. Вместо разго- воров о домах на пожарах возникает требованье красивого и удобного жилья.

Москва строит метрополитен. Это должен быть просто метрополитен, а самый лучший в мире метро- политен.

Появляется автоваривание на тру- бошерстных костюмах.

Страна начинает вывозить маши- ны. Пока еще на Восток.

Идет научная работа.

Летом «Челюскин» выходит в арк- тический поход.

Это пароход не ледокольного типа, но очень поворотливый, слегка выпо- ленной конструкции.

Вступает строй Уралмаш, завод который будет делать заводы.

СССР стал родиной новой техники.

Расширяется атомное ядро. Пилает «Челюскин».

Люди увлекаются наукой и шах- матами.

Вылетает стратостат и собирает ми- ровой рекорд.

Страна аступает для себя в следу- ющий круг истории человечества, она начинает бороться с природой.

Год кончается речью Димитрова. Коммунист становится героем мира. Он показывает человечество, объедине- нное, истрадившему себя, показыва- ет национал-социализм, который интирует собой волею людей, что такое мужество.

В тюрьме Димитров получает из- тюремной прачечной белье. По тому, как выглядело белье, он понимает, что в тюремной прачечной — люди, которые стирают, — за него.

СТИХИ О МЕТРО

Московский метрополитен вступил в период будничной работы. Оста- лись походы трудные дни упорной борьбы с грунтом, палубными, отбро- шены отбойные молотки, переданы на другие стройки экскаваторы. Вме- рашние строители — частью экска- ваторники, а частью — строители новых объектов.

Л. Каганович, вдохновитель, орга- низатор и практически руководи- тель постройки московского метро, на торжественном заседании, посвящен- ном пуску метрополитена, говорил о победе метрополитена, как о победе социализма. Победа метро, как победа из дупров которого, подземных и наднавных, светит одним огнем, огнем клушего вперед, побеждающего социализма, является победой не только потому, что в ту же самую эпоху строители продолжили под землей бетонный тоннель и украсили мрамором лучшие в мире станции.

Победа метро является победой соци- ализма, потому, что на стройке вы- росли новые люди, создались пре- красивые кадры строителей-ульян- ков, партийных и беспартийных большевиков. Это была школа боль- шевистского мужества, революцион- ной закалки, школа, оснащающая техническими знаниями и культурой людей, пришедших втра из деревни, с фабрик и заводов на стройку метрополитена.

Строители метро вывели на ли- тературу ряд бесспорно талантливых людей — и в этом также нужно видеть социалистическое качество на- шего строительства. «Огни о метро» — сборник стихов, выпущенный из- дательством Гостиздатом, составлен из произведений пяти молодых перу рабочих метростроевцев. Вот некото- рые из них: Григорий Нестров, — кес- копит шахты № 13—14, комсомо- лец; Смирнов Сергей — рабочий окла- да № 2, комсомолец, Соколов Миха- ил — проходчик шахты № 15, Нико- лый Бактонов — проходчик черной дистанции.

Сборник радует своей свежестью, о нем можно говорить всерьез. У нас выехали сборники начинающих ав- торов неоднократно. Помните ли вы те несколько сборничков — «Рабо- чий призыв». Но в них не было та- кого единства, они не стояли на таком уровне, на который поднялись метростроевские поэты. Все они рас- сказывают о своей работе, своем впе- чатлении, своем переживаниях. Их переживания, впечатления и чувства рождены социалистической дейст- вительностью. Мотивы их стихов на- ваны той производственной и обще- ственно-политической работой, кото- рая проходила на строительстве мо- сковского метрополитена.

Здесь много своеобразного, того, что еще не видел, о чем не расска- зала наша поэзия. И потому почти каждое стихотворение воспринимает- ся, как прорыв в фантастическое, радующий и волнующий. Но было бы лишним забвением, если бы мы своеобразные поэтические материалы приняли за оригинальность и само- стоятельность поэтического выраже- ния.

Возм не и даже наиболее чувстви- тель в поэзии и, может быть, наибол- ее способным, недостае поэтиче- ского мастерства, поэтического пере- живания и выражения тем.

Вот Г. Костров. Он представляет в сборнике пожалуй, наиболее боль- шим количеством стихотворений. Его поэтический облик — политическая, публицистическая лирика. Это очень трудный жанр, требующий, есте- ственно, соответственных поэтических данных. Сила политической страсти, широкий политический горизонт, да- леко превосходящий обычный, само- стоятельность трактовки тем. Тов. Костров пока еще говорит с чу- жих голосов. Он читается потому, что у него в руках преувеличенное

право темы о метро, в ее лирико- публицистическом аспекте. Но и здесь он не всегда на уровне грамот- ных стихов. В «Песне метростроев- цев» он пишет:

«Где невозможность считали прощли подземный водом,— прощли кессоном и читали, ПРОШЛИ — и ВЫШЛИ НАПРОЛОМ.

Прошли и вышли звучит нехорошо для поэтического выражения, но вы- сти напролом уже совсем плохо и как будто не по-русски. Тов. Костров следует, конечно, пройти еще очень серьезную учебу и общекультурную и поэтическую.

Выделается из сборника Н. Валт- ров. Это лирик. Он бесспорно та- лантлив. Его ухо чутко улавливает ритмические переходы. Он чувствует слово, его эпитет свеж и необычен. Человек, попавший из города зимой в лес, обнаружил там «оселую тину- гу», увидел, «как медленно свисают ветви». Это уже поэтическое выра- жение его. Он уже чувствует тему по- этически. Особенно это отчетливо сказывается в лирическом стихотво- рении «Моя тайна». Лирическая те- ря работает о леушкюй. Ухоля с работы, над ним смеется товарищи и подталкивает леушка, почему он устал больше других и даже больше ее, леушки.

Не сказал я, что, когда с тобою Мы носили гравий на завывае, Брали я за руки твои, а в себе Для тебя был ричик паляющий. Я устал... Но завтра лишь доро- жа

Выходной истратить я сумео. Только не поймешь ты, отчего же Тот же личик будет тяжелем.

Здесь найден поэтический тон. Она звучит, несмотря на словесные шероховатости («пыльный поэтиче- ский» путь). Нужно предугадать только т. Бактонов, что в таком сти- хотворении, как «Саловод», где пра- вильно найдена поэтическая атмосфера общения политический темы, про- сказывается несколько измешкая астетизация материала. («Цветы ка- жутся на клумбах подлая»). Здесь уже лежит опасность и ее следует на- бежать.

Несколько особняком стоят стихи С. Смирнова «Новый желен». Про- сто, с легкой иронией полян образ рабочего, взятого в бытовой аспекте.

Так, благодаря черной и его прирече оной, Стало сердцу моему Велелей и просторней, И четвертый месяц вот, Несмотря на то, что сыро, Очень весело живет Наша тесная квартира.

Такие стихи, как «Моя тайна», «Са- ловод», «Новый желен», являются вершинами сборника «Огни о мет- ро». Из стихов других авторов выде- ляются стихи М. Соколова «Ранняя дождя». «Огни о метро» — вполне достойный о том, какие неустраши- мые поэтические возможности таит наша страна, какой прекрасный че- ловеческий материал вырабатывает социалистическое строительство и как велика и ответственна задача, вста- ющая перед высательскими организа- циями и критикой, в смысле воспита- ния, бережного и чуткого подхода в каждому поэтическому дарованию. Но товарищи поэтов метрострой, подражайте, что только серьезная уче- ба обеспечит им выход на широкую литературную дорогу.

Н. ПЛИСКО.

ФИЛОСОФИЯ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ

«Он плохо видит, плохо слы- шит и потому плетется, шата- ется, далеко свали женыи, где-то в стороне от нее, без дороги и без сил валять до- рого, он кричат там, ко крики его звучат слабо, фразы разор- ваны, слова тускмы и никто не понимает его воля».

(М. Горький, «Разруше- нная личность», 1908 г.)

В период российской реакции русская литература породила целую плеяду писателей-пессимистов.

Пессимизм пришел во вкус многойкой обывательщины, так как набрасывал фер на ее угробно бла- голепущее существование. «Когда-то красивый и круглый, созданный лю- бовью и гневом искренних людей, теперь пессимизм изжевая болтуна, испачкан слюной мешая, взвата- ва их грязными пальцами и превра- тилась в бесформенное месиво на- бытых шошасте» — писал тогда М. Горький.

Если на крайнем фланге тоглаш- ней литературы, провозглашавшей страшное торжество полноты, вы- рос соловуковский «Мелкий бес», то другой глашатай пессимизма, Левина Андреев, несколько отдалечивая страшную философию символика и тут же извернул своих героев в мрачные глубины пессимизма, кото- рый был сродни переловощина.

Во многом пессимизм Л. Андреева шел от обывательского анархизма, от ощущения «голого человека на голой земле».

В те времена Сергеев-Ценский уже занял прочное место в ряду мей- ких «светля пессимизма», вращаю- щихся вокруг своего солнца — Л. Андреева.

Прошла год, произошла великая события — Октябрьская революция, гражданская война, страна строит социализм, а Ценский, оседлав своего умного петаса, скачет по со- ветской земле, награждая ее ludzi теми качествами, которые прочно за- печатались в его сознании еще за- доде до Октябрьской революции.

Сборник рассказов Ценского (изд- Гослитиздата) открывается рас- сказом «Как прачутся от времени», в котором как бы заключен «символ веры» писателя.

В один из казакских городов при- ехалет художник. Сергеев-Ценский рекомендует его читателю как при- влекательную, романтическую лич- ность, которую (как слова доказыва- ется читателю) он намерен противи- поставить окружающему: «Неиспри- ставный народ — художник», — и теперь еще в нашей трезвейшей стране вид у них метательный и глаза их стремятся находить рядом с тем, что для всех очевидно, что-то неумолимо, едва мелькнувшее, чут- чуть отчетливое, неясно окрашен- ное».

Для столкновения мечтающего о красоте художника с жванью Цен- ский выбирает из всей нашей дей- ствительности... калябине, он анало- мично своего героя с вызывающим по- вращение арендатором, бывшим по- парком, разрушающим художествен- ные памятники старини; в этом столкно- вении решается проблема красоты: она, конечно, гибнет в столкновении с «трезвейшей» действительностью.

На примере этого рассказа уже можно заметить особенности творче- ского метода Ценского, повторяю- щиеся почти неизменно в любом из его последних рассказов.

Метод этот заключается в следу- ющем: Сергеев-Ценский берет неболь- шую группу людей, большей частью морально изуродованных, валеде- щих самими отрицательными каче- ствами, и выводит их за остовую людскую материал. Затем он либо делит вид, что все в порядке, что именно таким и должен быть чело- век, живущий в советской стране (рассказ «В поезде с вта», ж. «Ок- тябрь», № 10, 1934), либо противи- ставляет этим уродам некую гар- моническую личность, вроде выше- названного художника, который бе- жит от действительности в прошде, утверждает тем самым гибель красо- ты в настоящем.

В этом плане любопытен рассказ «Итог жизни». Живут муж и жена. Она хозяйничает, он служит. Они вынуждены купить... старую лодку для корма свиным. Эта лодка ко- гда-то спасла несколько человеческих жизней, а теперь она должна быть принесена в жертву свиным, кото- рые вечно корчат.

Гибель красивого благородного су- щества описана как вверокое уни- жение. Ценский не поспеживает здесь на сугубо натуралистические

подробности (лакающие кровь сви- ны).

Символика настолько протупает спокое сюжетную ткань рассказа. Это все тот же злободневный Ценским мотив: прекрасное гибнет, полнота торжествует.

Но по Сергееву-Ценскому, да ги- бель обречена не только все краси- вое, но и все алое. Рассказ «Стремительное спало» («Красная новь», 1933 г.) повешен этой теме.

«Стремительное шоссе» — аллего- рический символ стремительности всей нашей эпохи. Сергеев-Ценский совершенно отчетливо полводит к этой аллегории всей композицией своего рассказа, содержащего и ряд прямых высказываний.

По крымскому шоссе мчится авто- мобиль. В диалоги пассажиров Сер- геев-Ценский вложил основное содер- жание рассказа.

Один из пассажиров — Мартынов — человек большой физической сил- лы, талантливый изобретатель. В нем гармонически сочетаются и телесное здоровье и интеллект. Именно в его уста вкладывает Сергеев-Ценский свои мысли о нашей эпохе:

«Такой операции, которая у нас сей- час производится над человеком для его явной, разумнее, пользы, для его тонкого яни не выдержать, ве- ти... Колосальнейший илет для будущего отбор, и заметит, только красота успеет... Но Сергеев-Ценский спешит разнчить читателю, что в по- нимании нового героя капитальные приваики красоты ныне, чем у ге- роев старых (художник) в рассказе «Как прачутся от времени».

Для Мартынова красота — это «сла, выносливость», т. е. неутоми- мость, вот что... То есть, скорее, вся- кая там неукалность, косопальность только ни в коем случае не тонко- сти, которая непременно должна будет погибнуть и погибнет». К этой мысли сводится вся структура рас- сказа, весь его замысел.

Хитроумное совместное построение рассказа ползает к другому пассажи- ру, рабочему-горячку, немедленно протворить в практику теории Мар- тынова.

Навстречу автомобилю идет худой, почти умравший старик. Шофюр не в состоянии затормозить машину. Он решает обхить старика, но в то же мгновение сильный ялик топчет и направляет машину прямо на старика, и тот погибает. Поже заме- ряет, что обед старика стоил бы

учительнице как о не воем невери- емое полумертвом человеке, и на то не рассчитываемым в жизни.

Даутов недогадыв, что в гимназии таки, как дочка учительницы Таля, уаат тому, как Иисус Навин остано- вил луну и солнце. «Вот чтобы ее подобной ерунде не учили, и надо углубить революцию!»

А покамест Даутов «углубляет ре- вулюцию» где-то в другом месте, Та- лю приходится спасать из рук ста- рухи, которая «таких ребят на мило перекояет...»

Контрреволюционные сплетни о де- тках, на которых валял мыло, не случайно напал себе прият в рас- сказе Ценского.

Это галадая и далеко не един- ственная сплетня, иллюстрируя к посылам прекрасной жизни, на кото- рые не скучина «фанатики» Даутов. Вот они, — очевидно утверждает Сер- геев-Ценский, — те «субъективные факты», которым только и следует верить!..

У Ценского получается, что люди вроде учительницы не находят себе места в революции и страдают, а «фанатики» Даутовы где-то для себя зажимаются революцией, и им лет до этого дела.

Но подобная «концепция» не удо- влетворяет еще Ценского, ему нуж- но, очевидно, поновательнее олеве- нать героя-большевика.

Предоставим героям рассказа их лечальную судью, — «Даутов, — го- ворит Сергеев-Ценский, — снял сколько ему хотелось снять сливок с моря и встел».

«Зависание сливок» — это игра слов: красивое мальчишка назван- ный так шпыряние камешков в воду. Но нет никакого сомнения, в каком смысле значение употреблено в рас- сказе несколько раз это выражение.

Сергеев-Ценский как будто не ставит точки над «е». Он предоставляет самому читателю разобраться в замы- словатом сплетенном сплетении и решить, кто же такие большевики — «фанатики» или «неконсистматели»?

В этой связи особенно многознач- тельно звучат заключительные стро- кии рассказа.

«Ничего, ничего, мама! — горячо заметала Таля ей в ухо: — Я тебя уверяю, я когда-нибудь найду Дау- това! А если он убит, то и узнаю, где!»

Призовем, мол, Даутовых, живых или мертвых, к ответу.

Среди мечущихся в жизни, порой как злобным, порой с жалостным не- доумлением, среди прочне оку- танных миром Сергеев-Ценского рес- публики бессмысленности и жизненной неразберихи, — все-таки отключился «Маяк в тумане». Рассказом о таком

названием открывается последний сборник Ценского. (Под. «Совет- ский писатель»). Этот маяк — креп- кое еднородное козвство и его владе-лец — Дрок, который «упористо стоит на своем куске земли бесымй ногами».

Вот кто, оказывается, положитель- ный герой: это человек, чьи собствен- веннические инстинкты доведены чуть ли не до садизма (сцена с ко- ровой). Пусть его ненавидят жена, презирают дети. Дрок — это сила! Посмотрите, сколько воли у этого человека к приобретательству, как моти- вует, хуть на своем ключе заводу! И вот все та же «неприятная» совет- ская действительность против — вме- шательство в жизнь, где так страстно культивируется пафос собственниче- ства.

Пусть проплетает депоты Дроки, раба своего хозяйства, учителем своих детей, пусть даже пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

Если Сергеев-Ценский с «завид- ной» легкостью конструирует свои те- зисы о глели красоты и счастья, о торжестве бессмысленных и полных инстинктов, облекая эти тезисы в многообразногую плоть, поставле- ния своих такне вот пожелают, они должны быть несомылем, как горы («Должно быть, зеленые горы строи- ли свои крутобокие массивы с таким же напряжением, с такой же алостью сил») Обкрут туман — гладыше на «Маяк в тумане», где Дрок должен победить своей извечной внутренней силой. Не тронуть его, не мешай- те ему! — вещает Ценский.

Но в этом рассказе происходит любо- пытное еднородство материала с автором: «Историческая реальность, прогнанная в дверь, влетает обратно через окно».

* Статья полностью печатается в журнале «Художественная литерату- ра».

ВИКТОР ГЮГО
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН
Виктор Гюго
ТЕМ, КТО СПИТ

Литература помнит Виктора Гюго как великого романтика. Народы всегда будут поклоняться его памяти, как памяти великого гуманиста.

Проф. И. М. Нусинов

Портрет В. Гюго в тридцать лет. Рис. худ. В. Энгеса по литографии Девэри.

В конце XIX века и тем более в XX веке В. Гюго знали и ценили, главным образом как великого романтика, как автора «Собора Парижской Богоматери» и «Отверженных».

Борьба в области искусства, он весь свой гений художника направлял на борьбу за торжество идеалов гуманизма и социальной справедливости.

Борьба за права буржуазии. Но как далека от этой картины Франции на заре капитализма та картина Франции, которую дает В. Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери».

В это, по существу, единственная тема, единственная идея его романа и легенд, романов и драм, политических памфлетов и литературных манифестов.

Историка литературы неоднократно указывали, как на один из наиболее характерных признаков романтизма, на его любовь к историческим сюжетам.

Верно, что почти все романтики интересовались историческими сюжетами. Важно отметить то, что, начиная эпоху они выбирали и как они освещали эти сюжеты.

Так, современник и соратник Гюго, по первому кружку романтиков Альфред де-Виньи тоже обращался к историческим темам.

Неважно до того, как Гюго задумывал свой «Собор Парижской Богоматери». Виньи тоже пишет исторические романы «Сен-Моро».

боялся за права буржуазии. Но как далека от этой картины Франции на заре капитализма та картина Франции, которую дает В. Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери».

Мы знаем, что Гюго в своем литературном манифесте выступил против внеисторической абстракции классиков и требовал конкретности в изображении обстановки.

Но он всегда помнит про свой второй принцип, что действительность в искусстве не есть действительность в жизни, что принцип искусства никогда не будет абсолютной реальностью, и он напоминает, как он говорил неоднократно, правду историю на правду поэта.

Виктор Гюго, создавая Францию эпохи Квизиано и Эмеральды, выдвинул на первый план встречу молодой буржуазии с феодально-католической Францией. Он дает встречу кардинала и делегации индустриальных купцов, причем нарисовал этих индустриальных купеческих крепнейшей, как будто они сошли с полотен Рембрандта.

Картина, где изображено, как эти заезжие купцы становятся во главе народного празднества и ведут за собой парижскую толпу, поистине становится символом последующих исторических событий, когда молодая буржуазия встала во главе восстановленного народа.

С другой стороны, для А. де-Виньи та эпоха красна величием деяний королей и аристократических вояков, величеством жизни герцогов и принцев. Но и для Виктора Гюго идея совсем иная, для него, вспоминая художественно уничтожая.

Аристократ Фоб — трус и легкомысленный купид. Аристократки, окружающие Фоба, — ограниченные жеманницы. Он над ними возмущает уличную танцовщицу, пытанку Эмеральду и Квизиано. Через них он вскрывает ту прекрасную истину, которую А. де-Виньи противопоставлял правде. Аристократы служат лишь для подчеркивания этой новой прекрасной истины демократа Виктора Гюго.

Новую историческую перспективу Гюго устанавливает также в перераспределении ролей аристократов и народных фигур.

служили для выражения комического начала, они говорили прозой. В романе Гюго аристократки — наиболее скучная проза жизни, Эмеральда — доводчивая поэзия жизни.

В романе Гюго Эмеральда и Квизиано — эстетические завершения трагедийного, а аристократ Фоб — раскрытые комичного.

В этой способности подыять до трагичности высот людей из народных низов и наметать над аристократами — ключ к новым приемам Гюго. Необходимо было вводить приемы классиков, чтобы вводить социальную реальность, который классицизм в прошлом обождался. Здесь надо отметить объяснение тому, что Виктор Гюго, великий демократ, до конца своих дней оставался романтиком, тогда как романтизм давно уже был пережившим место в литературе реализма.

Французский роман до Гюго знал два основных жанра: роман авантюриста героя («Жильбас Лессаза») или самоутраченного одинокого героя («Новая Элоиза» Жак Жак Руссе). Виктор Гюго в своем романе, по существу, следует традиции этих двух жанров. Он создает исторический роман исключительных личностей. Но эти исключительные личности — не исторические личности, а любимые герои, герои улицы. В них не раскрывается «права история», а утверждается «права поэзия». Здесь, например, в двух центральных фигурах Эмеральды и Квизиано наиболее яркая демонстрация романтической поэтики и ее применения к прозе, к роману.

Мы знаем, что, по убеждению Гюго, достойный творческой фантазии поэт является не обожден, не похвалено. Романтический поэт оторвался от обожденного как от пошлости и тривальности жизни.

Действительность поэта — яркая, необычная и эта действительность должна быть дана в наиболее заостренных формах; даже вулгарное и тривальное может стать явлением эстетическим, если оно подано в наиболее заостренных формах. Виктор Гюго ищет вот это величайшее и исключительное и находит их в образах Эмеральды и Квизиано.

Прежрасная Эмеральда одна единственная не глумится безобразным Квизиано и глубокой охаживает его губы, когда его пытаются. Безобразный, глубоко влюбленный миру Квизиано возмущается через эту любовь Эмеральды с попой жизни, поднимает высот любви, которая сильнее смерти, и единственный остается верен красоте и чистоте Эмеральды.

Здесь раскрыт путь самой природы от чудовищного к прекрасному, от тьмы к свету, от гидры к ангелу, от зверя к человеку. Здесь та победа морального над материальным, в которой радикальный демократ, не живший эпоху нацифических гуманистических иллюзий, видел основной закон, единственный смысл исторического процесса.

Но книга Гюго выделяется одной замечательной особенностью. В Гюго не строит сюжет романов на благополучном конце. Ему чужда тривальная концовка, когда торжествующая добродетель вознаграждается за свои страдания банкетами билетами.

Наоборот, во всех его книгах посылка добра победит, но добро морально торжествует. Такова концовка «Собора Парижской Богоматери», «Отверженных», «Труженники моря», «Человека, который смеется», «вз год».

В обычном «счастливом конце» заключается признание случайности несчастной добродетельного, признание, что общество гарантирует добродетельному его торжество.

Счастливы конец вызывает улыбку на устах у читателей народа, в истории культуры которого красуются имена великих скептиков Монтеня и Рабле, Вольтера и Франса.

Утверждение через несчастный конец морального торжества красоты и добра было утверждением другой великой традиции, традиции глубокой гуманистической веры французской литературы. Ибо рядом с самыми именами великих скептиков в истории французской культуры записаны имена людей большой гуманистической веры, имена Паскаля и Жан Жака Руссо, имя великого поэта и художника, великого гуманиста Виктора Гюго.

Рокоче противоречие творческого и общественного пути В. Гюго раскрывается на опыте отношения В. Гюго к Парижской коммуны и к побежденной Третьей республике.

Сорок лет Виктор Гюго членовлаивал идеи социального равенства, борясь за уничтожение нищеты, против общества «низшего порядка». Но когда была провозглашена Парижская коммуна, когда на сцену истории вышла та сила, которая признала была покончить с этим «низшим обществом», В. Гюго не оказался в рядах коммунаров.

В течение четверти века В. Гюго боролся за республику и утверждал, что торжество республики — торжество свободы и равенства. Когда Луи Бонапарт администровал его, он отказался вернуться во Францию из своего изгнания, гордо заявив, что он вернется туда, когда свобода вернется во Францию. Он вернулся, когда Луи Бонапарт была провозглашена республика. Но оказалось, что это не означало вернуться во Францию вместе с свободой.

Республика отвернулась от него, как он отвернулся от идей и методов борьбы Коммуны.

Он и в борьбе коммунаров и Версаля стремился занять положение арбитра. Но когда Коммуна пала, он выступил о присущей ему гуманистической смеелью в защиту коммунаров. Не только непосредственно в дни разгрома Коммуны, но и через шесть лет, когда он требовал у сената амнистии для коммунаров, только депутаты коммуны имели мужество поддержать его призы вернуть Франции ее лучших сыновей.

Нам великий друг Ромен Роллан — лучший современный продолжатель традиции гуманистической веры Виктора Гюго во французской литературе, недавно заявлял, что «мелкобуржуазные инстинкты нашего времени» поносят В. Гюго и противопоставляют свой «практицизм» его «беспечности».

Пора вставать. Настало завтра. Бьет в брег полая вода. Плавать на их картях и ядра. Довольно, граждане, стыла! Живей засучивайте блузы! Ведь шли на королей французам, Быд девьясто третий год! Сломайте тюрьмы, прочь оковы! Ты трусить дуратча таково, Татана свергнувший народ? Встать на хозяина и челядь! Побороть их!

Бог все-таки за вас закон. Все тлен и суета пред ним, и все остынет. Пред богом, как щенок, трясется тигр в пуганье. И на море дракон.

Святый Петр, дверь свою открой, Пьянице с глоткой боевой. Голос у него хриплый и дурной, Чтобы петь: «gloria Domino!»

Пьянице, веселому горлану, С жимотом подобным барабану. Я захожу — сомнение у всех Это бочка или человек.

У святых от вин цювоя рожки, Пьяниц власть на пущем небе тож.

Одним лишь веянем он будто стар пытью, Рассект всех церквей, всех илов величь.

И святость всех иков. Вам нечем драться? Ладно! Молот Возьмите в руки или лом! Там камень мостовой расколот, Сквоз стену вырубает пролом. И с криком ярости, и с криком Надежды, в дружестве великом — За Францию, за ваш Париж! Дрожа в безжалостном бою, Освободился от преиренья, Ты свой порядок возворни!

Иль пугировать я должен ролястов? Ведь был же их напор безумен и жестов, Когда куда ли глать

И занял день одним и там и тут: Выпьют и поют, выпьют и поют. ХОР: «Выпьют и поют, выпьют и поют». Коль моря вином испанским полны, В стране Кокань — благословляем волны. И охотно мы на дно пошла б, И охотно превратимся в рыб. ХОР: «И охотно превратимся в рыб».

Перевел ПАВЕЛ АНТОНОЛЬСКИЙ.

„Аристократ от демократии“

«Есть это правда, что Мират мог с некоторой гордостью положить свой халат почтительно рядом со своим королевским скипетром и сказать: «вот как я начал», то можно, конечно, с более справедливой гордостью и с большим внутренним удовлетворением указать на вероуполномоченные оны, написанные ребенком и юношей, и рядом с ними положить демократические стихотворения и произведения, написанные взрослым человеком».

Так сам Гюго в последнем предисловии (написанном в изгнании) к своим «Одам и балладам» определяет эволюцию своего политического мировоззрения. От напыщенных од на смерть и рождение королевских особ, удостоившихся головой степенями Людовика XVIII, до «Отверженных», списанных ему любовь и уважение народных масс. Роялист, либерал и конституционалист, республиканец и пророк гуманизма универсальной республики, эта колоссальная фигура почти в течение полувека стояла в центре литературного (и не только литературного) мира. Изгнание сделало его знаменем республиканских партий. С 1871 года, по возвращении во Францию, он, по выражению Золя, стал «блестящим апостолом демократии».

В этом смысле чрезвычайно интересно отношение революционных народных масс Парижа к великому писателю. В Париже в самый канун Коммуны было множество красных клубов. Были клубы: «Фоб Бержер», «Белый король», «Отчество в опасности», «Мольер», клуб Монтарюв, Мест, Освобождения и множество других. В этих клубах собирались революционные рабочие и ремесленники Парижа, революционные парижские разночинцы, там шли страстные споры по всем острым политическим вопросам, там выступали Блянки, Делеклюз и другие будущие деятели Коммуны и политические эмигранты из разных стран, деле-

гаты Интернационала, там собирались мужчины и женщины, разрабатывались планы революционных выступлений. Оттуда часто выходили с криками: «К оружью! К оружью!» на улицы и площади для борьбы с правительством, откуда впервые вырвались возгласы «Да здравствует Коммуна!».

Правительство, учитывая всю опасность этих расхождений революции, не сразу, однако, прихлопнуло их. Оно послало туда своих шпионов для «работы». Особенно интенсивную деятельность развили эти клубы во время осады Парижа, в самый канун Коммуны. С утра и до поздней ночи шли собрания, на которых страстно обсуждались положения на фронте, планы спасения Парижа, а беславная деятельность правительства подвергалась с ожесточенной критикой.

И вот в этих клубах, где оживлено революционные массы Парижа, часто вспыхивало имя Виктора Гюго. Привлекло несколько эмигрантов, яро характеризующих их действительное отношение к нему как к великому писателю и как к политикну. Это — документы эпохи, разительные и яркие.

Клуб в помещении «Пре о клера» на улице Бак, Собрание от 11 ноября 1870 г. Страстные споры о положении на фронте. Революционное меньшинство требует немедленного действия против правительства, войны с пруссаками до последнего вздоха. Какой-то изобретатель говорит о найденной им новой стратегии, которая обязательно принесет пруссакам поражение. Речь идет о каких-то «электрических оных», которые надо пустить в неприятельскую армию. Другой фанатик предлагает фантастический план захвата в канкан Вильгельма и всего его штаба. Собрание затянется по поздней ночи; ораторы непрерывно смекают друг друга; все устаив.

«Один гражданин предлагает прочесть несколько отрывков из «Снаитинтэ» («Возмездие») и этим закрыть собрание. Это предложение принято единогласно. Спокойное большинство присоединяет к исполнению меньшинства, чтобы аплодировать прекрасным стихам Виктора Гюго».

Клуб «La репутэ» 31 января 1871 г. Собрание избирательного общества республиканского объединения. Временный председатель общества гражданин Анджик излагает цели общества. «Мы имеем массу кандидатов... Но будем политиками... Собререм, содем все фракции демократической республики, учитывая достоинство каждого кандидата в отдельности, в случае необходимости принимаем имена и тех, которые не пользуются нашей симпатией, но которые могут присоединить к нашему делу часть буржуазии. Назовем для примера Виктора Гюго (Возгласы: «Нет, нет! Не надо его!» «Рашпель» поддерпан правительство национальной измены! Долой Виктора Гюго!). Кандидатура Гюго единогласно провалена. Клуб «La кур де марака» Выборное собрание делегатов Международного товарищества рабочих, Масса народа. Читается «избирательский» список. Во главе этого списка, говорит председатель собрания, находится имена членов правительства. (Возгласы: «Не читайте! Они хорошо известны! Читайте! Читайте!»). Председатель читает: Жюль Фавр (крики, свисты), Гамбетта, Дорнан, Кретье, Гюго-Визуан (смех), Жюль Симон, Жюль Ферри. (Крики: «Почему не Оливье? Баллига? Хаэтит симиста! Довольно! Довольно!»). Имена Виктора Гюго, Луя Блана Кина и Гел-

рессона тоже фигурируют в этом списке. Оратор не удивляется тому, что имя Виктора Гюго находится в реакционном списке, Виктор Гюго — поэт и литератор, ценность которого он не оспаривает, но он — буржуазный республиканец, он не социалист. (Возгласы: «Правильно!»).

Клуб «Визэ» в Вильвилле. Собрание от 2 февраля. Народное собрание поповышено. Записывается список кандидатов. Произносится имя Виктора Гюго. Один оратор заявляет, что Виктор Гюго безусловно имеет заслуги перед демократией, возмущаясь в течение двадцати лет на своем уме как дьявол протест против империи. (Насильно аплодируют). Но Виктор Гюго — не на наших! (Правильно! Он — аристократ!). Он принадлежит к буржуазной касте. Это человек прошлого, а нам нужны люди будущего. (Всеобщее одобрение).

Кандидатура Виктора Гюго ставится на голосование и отклоняется единогласно. (Аплодисменты).

Собрание в клубе «Марсельеза» (3 февраля) открывается под старинными привычными возгласами: «Да здравствует демократическая и социальная революция». Список кандидатов не вызывает разговоров. Рабочие кандидатуры, вначале оспариваемые, получают решающее большинство. (Всеобщее движение удовлетворения). Говорят, что наши кандидаты — неизвестные люди. Но Робеспьер, но Камилл Демурлен, но Дантон, но все великие монтарины, спасшие Францию в 93-м году, разве они были известны и в 93-м? Наши кандидаты — неизвестные люди. Неважно. Они, по крайней мере, не будут обременены своим прошлым, так как они его не имеют. (Всеобщее движение одобрения).

После Рошфора произносится кандидатура Альберта Барбье и Поль Мериса редакторов «Рашпель». (Насильно молчат). Один гражданин заявляет, что эти кандидатуры должны быть отвергнуты по тем же причинам, по каким было исключено из списка имя Виктора Гюго. Без сомнения, Виктор Гюго — великий поэт, о котором будут говорить еще десять лет, во это он вдохновляет «Рашпель». Его синовия и другие редакторы пипнут под его диктовку, и мы не должны забывать, что они до конца поддержали правительство национальную измены. (Решет. «Не надо их!»). Кандидатуры «Рашпель» отвергаются единогласно.

В клубе «Рань Вланш» (4 февраля) огромное возбуждение. Обсуждаются кандидатуры республиканцев и социалистов. Восторженно проносятся имя Вланш. Затем Виктор Гюго. Один гражданин заявляет, что кандидатура Гюго должна быть безусловно отвергнута. Гюго — великий поэт, пусть! Но он — аристократ от демократии. (Правильно!). Это демократ в желтых перчатках. Он сидел на своем месте, пусть там и остается. (Аплодисменты). Выберем людей более молодых и энергичных. Кандидатура Гюго была единогласно провалена.

Эти факты очень характерны. Революционные массы Парижа, высоко ценившие писателя и поэта Виктора Гюго, автора «Отверженных», «93 года» и т. д., весьма критически относятся к Гюго-политикну. Заявляясь его художественным произведением, где с такой силой описаны, они скептически относятся к его теоретическому и практическому демократизму, шедшему в фарватере буржуазии. «Аристократ от демократии». К этой вырвавшейся из масс характеристике великого писателя как общественного деятеля ничего не прибавить. Е. ПОЛОНСКИЙ.

Виктор Гюго
ЕПИСКОПУ, НАЗВАВШЕМО МЕНЯ АТЕИСТОМ

Я атеист? Ну что ж, поговорим всерьез. Шпионить в душу мне совет лукавый нос. Подглядывать в замок, подслушивать у двери, Искать во мне исток сомнений и неверий, Листвяк мое досье, запрашивать в адури, Изъез ула спедать — куда и с кем иду, Чтв отринял я, но что я твердо верю. Не стои, мой отец: видн ялицемери. Я правду вам скажу, — я человек прямой. Когда мы говорим о старце с бородой, Подобном королю, в сияющей короне, Кто благостно сидит на театральном троне, Средь жирной тучи, где полхает голубок, Где слева ангел встал, а справа встал пророк, Кто обнял бледное израненное сыма; Кто в трюне один; кто арфам внимлет чинно; Кто гневен и ревнив; о ком Гаррос поет; Кто толкует Плюш и признает Номотт; — Да, если речь о нем, кто перед медным змеем Свой растоптал народ, забытый Монсем; Кто мирно ллет на поб разбойников-царей, Но за грехи отцов терзает грудь детей, Кто солнцу повелел порадовать Мавина — Застыть, рисуя тех, кто лопит варгуд пружина; Кто свирный землевладе и астроним дряной; Кто, рот переносив, сжимает астроним дряной; И бедный род людской каряп вел от века, Сам стал поддалкою огромной человека; Кто отчая мигает и радостно казнит, И, обходя закон, с мялкойной суд вершит; И в небе голубом замигает поруд Земли, а для нее хранит свой бич жестокий И нарушает лад, и потрясает мир; Кому, покорствуя, идут Камбиз и Кир, Атилла бешеный, Неверод, подобный зверю, — В таного бога я, о мой отец, не верю. Перевел Г. ШЕНГЕЛИ

Фронтиспис «Собора Парижской Богоматери». Рис. худ. М. Абрамювака и современного В. Гюго издания.

ВИКТОР ГЮГО

ГЮГО И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

В. Гюго
ПАРИЖ

«Бой» у «Эрнани».
Рис. худ. М. Абрамовича по литографии Грандвилла.

ПАМЯТИ ГЮГО

Творчество великого французского романтика и гуманиста Виктора Гюго было насыщено ненавистью к аристократизму и паразитическому миру аристократов и феодалов и горячей любовью к сочувствию и единению с несчастными жертвами тирании. Поэтому так любил он широкие читательские массы нашей страны, поэтому вместе со всей переломной общественностью передовой Франции так горячо отмечем 50-летие со дня смерти этого могучего художника.

Передовые люди сегодняшней Франции чтут память одного из благороднейших сынов своей родины, который они по праву могут гордиться. Это чувство гордости сквозило и в каждом слове блестящей речи, с которой выступил в БОКС посланец Франции г-н Альфан. Вместе с гордостью было в ней и понимание того, что народы Советской страны не могут не вкладывать творчество Гюго в то лучшее, что они отбирают для себя из великой сокровищницы человеческого гения, и понимание, чтобы Гюго занял свое место рядом с Пушкиным, Толстым и Горьким.

С глубоким волнением слушала аудитория в театре г-на Альфана величавые строки из «Гимна мертвым», в которых прославляется героизм людей, умерших жертвой жизни во имя свободы и отечества. Г-н Альфан подчеркнул, что этими стихами он отдает тем лучшим людям Советской страны, которые на днях погибли при катастрофе самолета «Максим Горький».

На вечерах выступили председатель БОКС г. А. Аросев, т. И. Нусинов и проф. всесоюзного университета г-да Налькин.

Эта серия «Город».
Разносторонний, темпераментный мастер занимается также скульптурой и монументальной живописью. Недавно им выполнено 13 огромных мозаичных панно на стенах Швейцарского союза. Мазерель-рисовальщик спорит с Мазерелем-живописцем с 1927 года. Художник много и успешно занимается живописью, трансплантируя свой графический опыт на полотно. Мазерель нельзя подходить в отсутствие чувства цвета. Но нельзя также оправдать его сознательное ограничение палитры. Выверенные краски, идеальность сюжета, высокая коэффициент его живописи, и, следовательно, сияющая подвешенным цветом картина — художник, гениальный колорист.

Тематика последних живописных работ Мазереля становится разнообразнее. Иногда в лирические мотивы («Отдых», «Вечерняя прогулка») неожиданно врывается знакомый сарказм (картина «Эскуризм страданий человека»). Эти пустотелые турности, укаченные авто и аккомпанементом гловского рулопа, конечно, не знают и не видят того, что чужий художник все чаще и чаще возвращается к своим магистральным темам — «Воистинне» и «Труда». Большие живописные работы выставили датировано 1935 г. Мазерель стилист, что это только подготовительные материалы к его большой картине. Будем с интересом ждать ее.

Выставка Мазереля для советских художников слова и кисти — стимул к созданию образцов классовой, политической организованности пролетариата, находящегося в боевой готовности. Писать на выставке надо будет убедиться, как можно писать красочными и фальшивыми романсы без единого слова текста (графикеры серия «Искусство»). А чему учиться художникам у Мазереля? Широкая и смелая социальная оценка явлений, сюжетной и динамической композиции, безукоризненное владение техническими средствами.

Анализ работы выставки, приходилось к выводу, что зрелищный мастер, наш друг и гость Мазерель, может дать еще больше того, что он дает сейчас. Невольно облететь новинки новинки патристического должен обрешиться ураганным огнем своего таланта на живописительной новой войне, на протестуарованных театральном фашизме.

Точнее приняв, товарищ Мазерель! Л. ВОЛКОВ-ЛАННИТ.

Во время Парижской коммуны, в те дни первого в истории опыта пролетарской диктатуры, Гюго должен был держать экзамен на последовательного демократа. Вся жизнь великого гуманиста боролась прежде всего за счастье всех отверженных, всех обездоленных. И вот эти массы угнетенных, изверженных в сладких обманы буржуазной демократии, все эти Жильяты, Жакмы Вальжансы, Анжольбарсы, Фантаны, Гавроши поладили необходимостью вооруженного свержения капитализма.

Пошел ли с ними Виктор Гюго? В день 18 марта Гюго хоронил своего сына Шарля, а затем, спустя три дня, ушел в Брюссель, устраивая дела его наследника. В Брюсселе он оставался все последующее время Коммуны, получая информацию о последней, главным образом, из буржуазной прессы. Первое время он еще пытался противостоять ее клеветам и сочувствовал коммунарам, в лице которых видел прежде всего борцов за республику. Тем не менее гражданская война приводит его в ужас, и он тише пытается примирить враждующих. Но это была позиция «над схваткой», и поэту приходится признавать неуспех своих призывов.

В меньшей степени ухажает Гюго революционный террор, и тут поэт начинает подпадать под влияние версальской печати. Он навзничь верит, что в Париже действительно творится кровавый кошмар, и повторяет клеветы версальских писаков, пытаясь обвинить востановивших их «стенографов».

Осуждая коммунаров за их «преступления», но считая их не «угрожающими» (как утверждала буржуазная), а лишь «политическими» преступниками, Гюго, однако, со всей страстью стал на защиту коммунаров в дни кровавой майской недели. В отличие от многих других прославившихся буржуазных писателей, Виктор Гюго единственный пытался вызвать в Европе сочувствие к победителям.

В немом ряде вопиющих, возмущающих стихотворений поэт-гуманист описал ужасы майской бойни: расстрелы, издевательства над пленными коммунарами, свирепую козью буржуазную судью и т. п. Вместе с тем, поскольку бельгийское правительство отказало в праве убежища беженцам Коммуны, поэт печатался 26 мая в газете «Бельгийская независимость» следующее письмо:

«Я протестую против решения бельгийского правительства по поводу парижских победителей. Что бы ни говорили и что бы ни предпринимали в данном случае, эти победители являются политическими деятелями.

Меня с ними не было. Признавая принципы Коммуны, я не признаю ее людей. Их невинность меня столько же, сколько возмущают теперь насилие их противников».

Далее Гюго писал: «Возвращаясь к бельгийскому правительству. Оно неправильно поступает, отказывая в убежище. Право убежища — старинное право. Это священное право всех угнетенных.

Что касается меня, я заявляю: Убежище, в котором бельгийское правительство отказывает победителям, предлагаю им я сам. Где? В Бельгии.

Я оказываю Бельгии эту честь. Я предлагаю убежище в Брюсселе. Предлагаю его на улице Баррикад, № 4.

Великий победитель парижанин, великий из числа Коммуны, которая отвергнута Парижем и которую я, со

своей стороны, никогда не одобрял, может поступать по моему адресу, и будет он моим личным врагом, я ему отрою. Он в моем доме, он неприкосновенен.

Но не являюсь ли я случайным иностранцем в Бельгии? Не думаю. Я чувствую себя братом всех людей и гостем каждого народа.

Во всяком случае, богнец Коммуны и меня — это побежденный и изгнанный, недавний победитель и вчерашний изгнанный.

Несколько дней спустя, в той же «Бельгийской независимости» появилось длинное письмо сына поэта, Франсуа Гюго, повествовавшее о том, что декабрьская революция завладела ночью 26 мая, после опубликования письма поэта, на его дом и собралась убить автора «Отверженных». Вот что писал Франсуа Гюго:

«Было бы четверть двенадцать, когда г-н Виктор Гюго только что задул свечу и стал засыпать. Вдруг раздается звонок. Г-н Гюго, находясь в раздумии, прислушивается, решает, что это ошибка какою-нибудь прохожего, и ложится вновь. Опять раздается звонок, более сильный, чем первый раз. Г-н Виктор Гюго встает, одевает халат, подходит к окну и спрашивает:

— Кто там?
Голос отвечает:
— Домоброшенный.

Почти ничего не проснувшись, но различая ничего в потемках, г-н Виктор Гюго, погнав в своем предположении убийца бегущим, сделавшим из себя утром, и душая также, что Домоброшенный, может быть, и не расстреляли и последний действительно явился к нему просить прощания, повернувшись, чтобы спуститься вниз и открыть входную дверь. В эту минуту большой камень, невольно брошенный, ударяется о стену рядом с окном. Догадываясь, в чем дело, г-н Виктор Гюго высовывается в окно и видит толпу, по крайней мере человек в сорочку мужчин, собравшихся у дома и прислонившихся к решетке сверху. Он возвышает голос и говорит им:

— Бездельники!
Затем он закрывает окно. В ту же минуту булыжник, который и по сию пору находится в комнате, пребывает на вершок от его головы, остается на широком пространстве, падает и ноги г-на Виктора Гюго обдав их осколками, и не размаив его лишь по удивительной случайности. В то же время в шапке, сорвавшейся у окна, раздаются крики:

Русские дела и связи Гюго

Подготавливается к печати том «Литературного наследия», посвященный французскому литературному взаимодействию. Особое место уделяется в сборнике Виктору Гюго. О русских интересах, делах и связях великого французского писателя в книге будет помещено специальное исследование.

Редакция «Литературного наследия» проделала большую работу по выявлению авторов писателя и документов о нем. В государственных книгохранилищах, архивах и у частных лиц найден ряд автографов Гюго. Среди них — несколько писем писателя к русским корреспондентам. Подбираются материалы о выступлениях Гюго в защиту члена «Народной воли» Льва Гартмана и участника дела первого марта 1881 г. Геси Гельфана.

Интересное сообщение о похоронах Гюго обнаружено в материалах русского дипломатического корпуса. Первые материалы выявлены в архивах царской цензуры, которая в свое время задела специальную «Дело о Викторе Гюго».

Любопытные данные дает обзор русской периодики. Насколько популярен был в России Гюго, показывает хотя бы тот факт, что в 1869 году роман «Человек, который смеется» одновременно печатался в пяти журналах. Это послужило причиной появления в одном из журналов наряду с романом, а в «Искре» — эпиграмма на переводчиков.

В специальной главе исследования будет дан обзор высказываний о Гюго русских писателей — Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева, Герцена, Горького и др. С Герценом как известно, Гюго был в переписке. Письма Гюго к Герцену были опубликованы в «Полной энциклопедии» и «Колоколе». В «Колоколе» же появилось, во время польского восстания 1863 г., известное воззвание Гюго к русскому войску.

Ю. ДАНЛИН.

Париж! Как на море бесмерном
Бурлит людское торжество.
Всегда в кружевы эфемерном
Париж вокруг центра своего.

Глухой огонь иль свет лучинный,
Изда под вуалью мгlistой,
Паук, что пражей серебрястой
Заткал земные племена,

Фонтанов многоструйный млень,
Грудь матери без утешень,
Куда приникли поколения
Упитые знанием до дна.

Хватаясь за большое дело,
В большую печь вераगत он,
Чтобы кипенье не хладело,
Чужих богов, чужой закон.

Он ищет форму, мнет и давит,
И, переломная, плавит,
Пока вселенная не явит,
Замствованную в веках.

И только победнеем все мы,—
Бросает людям диадемы
И предрассудки и системы,
Что скрючились в его руках.

Он сторожит, хоть и не любит,
Хоругви старых мишуру.
Он утром чью-то славу трубит
И тушит солнце вверху.

Он бьет мечом и словом модным,
Идеи, призраком дремотным,—
Вот ряд сколоченных ремонтом
С земли на небо ступений.

Брат Рима и столиц грядущих,
Он строит в сороках, ныне сухих,
Своей Вавилом для всех живущих,
Своей Пантеон для всех теней.

Он опоясан ураганом.
И день и ночь тревожит он
Набатом или барабаном
Гигантский европейский сон.

Европа бодрствует иль дремлет,
Но и сквозь сон гудяно внемлет
Бесформенному, что поднимет
Пчелиный рой парижских крыш.

Зудит, звенит в ушах и будит,
И вот загадка,— что рассудит?
Как тихо во вселенной будет,
Когда умолкнет наш Париж!

Пер. П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

10000 ВЫСТРЕЛОВ МАЗЕРЕЕЛЯ

На паркет поставили ящик с динамитом. Это был весь багаж художника. Он проехал от арки Негролего до Москвы. Искусствоведы торжественно открыли ящик. Динамит был рулонами гравюр. Художник ржался, что в музее нашлись рамки и 10 прежних его рисунков.

В московском Музее новой западной живописи открылась выставка бельгийского революционного художника Франса Мазереля. На выставке (третьей в СССР) около ста работ.

— Я родился 30 июля 1889 г. в Бранденберге... 20 лет я оставался там...

Он с молоту подвигжен и наблюдателен. Во Франции, Англии, Швейцарии, Тунисе потемна водит карандашом в альбоме. В Тунисе (1910 г.) впервые увидел людей, монументных тунисцами. И, может быть, тогда, вдали впервые мажик на холст, он был потрясен собственной безпомощностью. Беспомощностью изобразить правду о человеческом бесчестии.

Он высок и самостоятелен — это еще более выделяло его в Париже среди всей европейской предвоенной школы кубистов и супрематистов. Пока он ищет себя как художника, в стране растут тайны и импорт спекулятивных статей. Однажды обличительную скороговорку Жюзея перебрал «патристический» рев манифестирующий кодабончик. Народный труд оставался на, похолоде, заливная кровью. Точно, на другой день после убийства Жюзея во Франции была объявлена мобилизация. Там, где гудели пушки, пошла толпа порывистых полей. Грозношекие невинные мальчики (позже их обвинули в неадекватности) подымали плакаты: «Сажайте ореховые деревья — орех идет на приклады винтовок».

Мальенькая Бельгия повзала под утробу все взрослое население мужского пола. Франс Мазерель не придал приглашениям в родины. Его объявили дезертиром. В те дни каждый считался патристическим платом оккупации и партиями платили оккупационному, его вывозили из кафе и избивали. Мазерель уехал в Швейцарию. Там собралась те, кто боялся войны, кто не хотел войны и кто боролся против войны.

Шех 1915 год Ленин записал в конспект приговоренного им майского восстания: «Война — это ужасная вещь. Да, во она ужасно прибылая вещь».

Мазерель не был и не хотел быть таким. «Моей центральной темой поцрежнему остается война капиталистической войны», — подчеркнул еще раз недавно в своем заявлении художник.

Кто Мазерель в главном и основном? Художник-интернационалист, который встал на защиту угнетенных всего мира. Художник, рука которого за все традиционное творчество ле слала на одно бесстыльное прихра. Художник, который добился виртуозной, вытеснил еще не превзойденной лаконичности изображения.

Значение Млятия, измержет художника это влияние испалат на себе такой сильный мастер, как Моор.

Мазерель — общественник. Он волягавет сейчас изобразительную секцию «Ассоциация революционных писателей и художников Франции». Секция насчитывает тысяе крупнейшие имена французского искусства, как Сильяи, Озанфан, Леме, Люрса и др.

Что рисует и пишет Мазерель? Живописные сцены больше, чем пейзаж. Пейзаж — больше городской, чем сельский. Город — больше Париж, чем другой. Париж — больше ночью, чем днем. Париж с зеленым солнцем языков фонарей, с манерными неподвижностью усталых дежурных и оплаченных восточных жителей бездомных. Париж четвара миллионов, живущих, обмаложившихся, страдающих, умирающих и обманутых даже в гробах. Париж конспирек, миджеток и протиститук. Мазерель — вместе с этими обитателями каменного муравейника, по одинаковому сострадания и равнодушию относится к ним.

Художник на другой же день после окончания войны берет общечеловеческие темы.

— Я очень люблю жизнь и человека такого, как он есть, я еще больше такого, каким он должен быть», — говорит Мазерель.

Художник ухватывает лозьми обрабатываемую поверхность во всех четырех ее границах. Правда, что восточной жизни, с общечеловеческой протеста — смотрит с бумагой и толста простыми мозаическими едини-

Франс Мазерель. «У моря».

нами. Их увидел насонный наблюдатель. «Часы жизни» — почти автобиографический роман без слов — единственная болная и поэтому самая душная работа Мазереля. 165 страниц рассказывает, как жал человек, как человек работал, путешествовал, любил книги, женщин, природу.

Франс Мазерель — это десять тысяч килографий. Расточительная фламандская плодотворность и феноменальная память — творческие особенности мастера. Память показала Мазерель содержание 10 тысяч гравюр. У Мазереля нет рисунка с натуры. Даже большинство живописных произведений написано по памяти. Картина «Берег моря» (работа 1935 года) предшествовала только этюд-копсикет размером с винтукую карточку.

Мазерель больше, чем какой-либо из современных мировых художников близок печати, литературе, книге. «Жан Кристоф» Романа Роллана, «Сокровище смренных» Метерлинка, «Баллада Реддингской тюрьмы» Уайльда, «Тиль Уленшигель» Шарль де Ностера, поэмы Верхарна, новеллы Дюамеля, Жува и др. — все эти книги выходят на все европейские языки как иллюстрациями Мазереля.

Хороший ли Мазерель иллюстратор? На выставке есть его последние рисунки к книге Геген Дрейфу «Ты будешь рабочим». Рисунки тушью. Декупаж и шарень сидят на кроватях и разговаривают. Деловой или лирический-интимный разговор? Неясно — на деловой. В этом обещают поза, выражения лиц, обстановки.

Может быть, качество иллюстраций проверяется лучше всего на изоляции их от текста силой их изобразительной самостоятельности. В таком случае иллюстрация Мазереля — это текст, по которому можно опреть половину книги до того, как она вышла из печати.

Но иллюстрация не исчерпывает замыслов Мазереля. В допуюк написанным книгам художник посылает свои нарисованные книги. Новеллист рисунка становится романистом.

«Воспоминания о моей стране», «Человеческие страсти», «Идея», «Сонетур и гримасы», «Солнце», «Творчество», «25 образов страданий человека», «История без слов» и др. Безо этого списка не обойтись — сюжетные книги социальной графики. Юрк Роденбах написал повелюю о «Мертвом Брюге» и «Звонаре». Мазерель немедленно ответил на них словами удивительными напечатаны «Мертвые встают» и «Мертвые заговорили».

Белое, где больше черного. Система черных пятен и линий на белом листе. Рисунок Мазереля экстерриториален. В газете он — графический элемент всего листа. Буквы текста — только продолжение всей композиции.

Художник опроверг своей практической предпринимательской техникой предубеждения о скудости технических средств рисунка по сравнению с живописью. Про рисунки и живопись Мазереля не сканен: неинтересно. Они всегда что-то показывают, апеллируют к сознанию зрителя. Наблюдатель почувствовал жизнь. Мазерель даже в портретах случайно находит ту деталь, которая одна может создать высокую литературность проведения. У мальчи-

НОВАЯ ПОСТАНОВКА «ГОРЕ УМУ»

Во Мейерхолда сообщили нашему сотруднику, что постановка над которой он сейчас работает, не является повторением постановки «Горе уму», какою он показывал ее в 1928 г.

В новой редакции выдают эпизоды в кабачке (пантомимный пролог) и в танцевальном зале.

Все эпизоды, за исключением дружеских, совершенно заново мизансценированы.

Роль Чацкого исполняет Павел Софьян играет Хераскова, Молчалина — Валерий.

Премьера «московский редакции» будет показана в Ленинграде в 20-х числах августа.

Ключевая беседа, Вс. Мейерхольд говорит: «В спенческой трактовке образов комедии Грибоедова я отдалась, как и тогда, когда впервые ставила на сцене ГОТИМ «Горе уму».

Вспомогательные роли исполняют: Мария Тарасова, Мария Тарасова, Мария Тарасова, Мария Тарасова.

26 мая. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

28 мая. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

30 мая. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

31 мая. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

1 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

2 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

3 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

4 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

5 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

6 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

7 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

8 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

9 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

10 июня. Доклад проф. В. А. Багдасаряна «История-теория искусства».

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ИСПЫТАНИЯ В КУЗНИЦЕ БУДУЩЕГО

В 1933 году Л. Н. Толстой записал в свой дневник эпизод, очень его поразивший: некий подковник весьма торопился уйти с бала, так как как выяснилось впоследствии) назавтра ему нужно было подтвердить экзамену провинциального солдата.

... Рассказ этот вначале назывался «Отец и дочь», и в нем описан бал, который давал предприниматель казенного дворянства Желтухин.

... Анна Павловна была такая скучная, что собирала даже сурчуж с писем, а ведь сурчуж в каждой палатке купить можно.

А Борис Дунаевский, с большим юмором переживший содержание сказки «Премудрый песик», на уроке Анны Васильевны Виноградовой ученично ответил: «Сейчас я надул их, эти эшкетеры, и раскрыл роман Горького «Мать».

... Из 12 учащихся 9-а класса, прошедших испытания до перемены, ни один не получил отметки удовлетворительно.

... В русской литературе не было недостатка в завидных писателях, начав свой творческий путь на серьезный критический доклад о Достоевском, получивший «отлично» (Библер).

... Мы достигли больших успехов после постановления ЦК ВКП(б) о школе.

... Литература в седьмом классе отдано всего три часа в пятидневку.

... В школе есть литературный кружок. В порядке подготовки к экзаменам проведены вечера Чехова, Пушкина, Шеншира.

... После ознакомления с отдельными писателями в седьмом классе, перешедшие в восьмой класс приступают к пантомимному искусству.

... В 16 учащихся 7-б класса, прошедших испытание до перемены, 7 получили «отлично», 6 — «хорошо» и только 2 — «удовлетворительно».

... В издательстве «Academia» выпускаются классики всех народов и всех времен.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

... Совещание открыл зав. издательством т. Яков. После информации руководителей редакционных секторов т. Тихонова и Буеся о состоянии издательского портфеля на 1935 г.

22 мая в Московском городском доме художественного воспитания детей состоялся встреча народного артиста республики И. М. СОСКВИНА со студийцами и преподавателями московских районных детских театров.

Студийцы показали образцы своей совершенной работы — учебные этюды на сценическом вымысле (студия Фрунзенского района), чтения (строфы из «Евгения Онегина», рассказы Чехова, куплеты Беранже, отрывок из «Войны и мира» — студия Бауманского района, отрывок из «Мертвых душ» — студия Сокольнического района, отрывки из «Гарса Бульба» — студия Кировского района, отрывки из пьес («Дело о скрипке» — студия Бауманского района и «Продажи Скапена» — студия Кировского района).

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

И. М. Москвитин прочел и показал студийцам ряд этюдов и подлинные воспоминаниями о годах своей учебы актерскому искусству.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР О СЦЕНАРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ

1. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

2. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

3. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

4. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

5. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

6. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

7. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

8. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

9. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

10. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

11. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

12. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

13. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

14. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

15. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

16. Постановление Оргкомиссии, опубликованное в «Литературной газете» от 15 мая с. г., признать правильным, как соответствующее фактам.

17. Признать правильными решения Оргкомиссии о перенесении сценарно-производственного совещания на осень.

КНИЖНАЯ ВИТВИКА

ЛЕНГОСИТИЗДАТ Н. Писанков — «Горький и фольклор». Тир. 5.000. Ц. 1 руб.

А. Стариков — «Л. Н. Толстой». Критический очерк. Тир. 5.000. Ц. 2 р. 40 к.

М. Зощенко — «Ибрагимовские рассказы». Восток изд. Н. Радаева. Тир. 20.000. Ц. 6 руб.

А. Чапыгин — «Грани Стендаля» (перевод). Тир. 50.000. Ц. 3 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ В. Наверин — «Избранные повести и рассказы».

В. Полонский — «Сознание и творчество». Тир. 5.000. Ц. 3 р. 80 к.

А. Цыблин — «Тынянов-фельдштрих» (критическая серия). Тир. 10.000. Ц. 2 р. 50 коп.

«Литературная теория немецкого романтизма». Документы под редакцией со вступительной статьей и комментариями Н. Я. Берковского. Переводы Т. И. Сильман и И. Я. Колубовского. Тир. 3.500. Ц. 7 руб.

Общая редакция и вступительная статья — А. М. Фрося. Издание будет иллюстрировано рисунками самого Юго. Объем книги — 30 печатных листов. В ней будет около 1200 стихотворных строк.

Выйдет сборник в конце текущего года.

Кадр из фильма «Кондунг» по сценарию Л. Каспила, производства Украинфильм.

Как же относится к критике «Повести о Левине» ее автор? — Во многих рассуждениях и высылках, — считает М. Слоимский, — чувствуется и незнание критикой правды о баварской революции и непонимание замысла писателя.

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

«Сухость», «протокольность», сознательное ограничение малой формой — это все, что в «Повести о Левине» (впрочем, форма романа всегда мелькала перед писателем, и тогда расширялось повествование).

КАДРЫ ТЕАТРА РЕВОЛЮЦИИ

Клуб мастеров один из первых вывел соответствующие выводы из последней исторической речи тов. Сталина и приступил к проверке молодых актеров кадров Москвы.

Первый вечер сбора был посвящен «Летнему театру революции». Студенты третьего курса техникума театра революции продемонстрировали результаты своей годовой работы по классу культуры слова (рук. — С. Шершневский и М. Семенов).

Следует тут же отметить, что свои достижения в области культуры слова молодежь блестяще обнарудила в своей актерской работе, чем в течение. Это с полной очевидностью сказалось хотя бы в выступлениях Бахурин и Алтговской.

И в обеих театрах оказалось наиболее слабым местом Бахурин подол «Первый пролетарий» скороговоркой, из-за плохого знания, большой непривыченности в подаче слова, умелое распределение красок.

То же можно сказать и об Алтговской: ее Артева в «Пяти долларах» Генри, несмотря на всю пустяковость этой роли, позволяет молодой актрисе в горах большей мере показать свое мягкое, лирическое дарование, чем отрывок из «Воскресения» Толстого.

Наибольшей удачей из работ по классу культуры слова является чтение Григорьяна («Вольский Горького»); хорошие голосовые данные, большая непривыченность в подаче слова, умелое распределение красок.

То же всегда Григорьян удалял от лирические интонации рассказа Онегина, сатирический элемент преобладает в ларингит студента. Подтверждением тому является характер исполнения Григорьяном роли судьи в пьесе на Генри.

Из работ по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

В работе по классу актерского мастерства показана была, кроме упомянутых уже «Пяти долларов» и «Юбилей», также сценка по Джек Лонгону — «Убитый человек».

ДИСКУССИЯ О ЛЕВИНЭ

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

документальный материал, обработанный писателем. А такое произведение, — полагает он, — не может быть художественно полноценным.

Из других выступлений (Н. Тихонов, В. Рыльцевич, И. Григорьев, С. Марвич, О. Бергольц, О. Немеровский, Н. Жадова, А. Амстердам и др.) нам хотелось бы выделить следующее высказывание: С. Марвич, сделавшего ряд интересных замечаний о повести, которую он считает удачей Слоимского, и Н. Тихонов.

Тема о воле Баварской советской республики, — указывает Н. Тихонов, — не впервые заинтересовывает наших писателей. До Слоимского эту тему касался Браун. И интересно, что в его поэме «Минхен» под внутренним обраем левин, обраем левин, которые до сих пор отсутствовали в творчестве Брауна. Но в поэзии левин может заменить документ. Левин в поэме Брауна мог предстать монологом, как речь, переделанная в стихи. И все равно, мы увидели Евгения Левина.

Прованс отвечает левин и берет документ. М. Слоимский взял левин, но обдуманный им эпизод баварской революции. И совершенно верно некоторые критики жалуются увидеть в повести все баварскую революцию. М. Слоимский сознательно оставался на малой форме — рассказе. А все его критики говорят об этом произведении чуть ли не как о романе. Если же учесть, что книга Слоимского — это рассказ, а не повесть, то становится понятным, почему так много критиков, а не только потому, что он написал «звонкий цветик», так как в русских офицерах, как капитан Мухтаров, в 1919 г. не могли оказаться в Баварии, такие офицеры были бы еще в рядах белых банд.

Но отдельные неудачные образы не умаляют значения «Повести о Левине».

«Повесть о Левине» М. Слоимского была напечатана в журнале «Знамя» и почти одновременно вышла отдельными изданиями в Гослитиздате и 150-тысячным тиражом в «Роман-газете».